

А. В. Костина³

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ И КОНФЛИКТОГЕННОМ МИРЕ: СТРАТЕГИИ И ЦЕЛИ

Взаимодействие культур, которое складывается на основе непосредственных отношений между культурами и проявляется в их взаимном влиянии и взаимных трансформациях, выступает как ведущий принцип их функционирования в глобальном мире. Воздействие одной культуры на другую осуществляется через средства массовой коммуникации, образование, культурный туризм, путем трансляции лучших образцов искусства и интеллектуальной сферы, распространения идеалов и ценностей, которые представляются привлекательными иным участникам культурного взаимодействия.

В современном мире все эти механизмы становятся составляющей инструментария «мягкой силы» как неотъемлемой части современной международной политики. Введенное в 1990 году профессором Гарвардского университета Джозефом Наем понятие «мягкая сила» (*англ.* soft power) означало форму внешнеполитической стратегии, предполагающей отказ от принуждения и добровольное принятие образа любой из стран — участниц мировой политики и деловых связей, основанного на симпатии и привлекательности. В качестве наиболее мощных инструментов «мягкой силы» Наем рассматривались язык и культура.

В России понятие «мягкой силы» как направление внешней политики активно используется с 2012 года, когда в статье Президента России В. В. Путина «Россия и меняющийся мир» было дано определение «мягкой силы» как комплекса «инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»⁴. Одновременно отмечалось, что эти методы могут применяться и для противоположных целей — «вращения и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств»⁵. То есть «мягкая сила», несмотря на несиловые методы ее воздействия, является мощным инструментом влияния и может быть использована государствами, стремящимися к активному воздействию на страну-противника.

К трактовке «мягкой силы» как инструмента национальной политики, ее технологий и последствий применения существует целый ряд подходов: технологический, психологический, коммуникативный, манипулятивный, конструктивистский, ресурсный, силовой, инструментальный и др.⁶ Однако основными становятся два:

1) позитивное восприятие «мягкой силы» в качестве средства, способствующего культурному обогащению народов и улучшению их взаимопонимания; продвижению национальных интересов без политики их навязывания в качестве универсальных; выстраиванию курса государства как миролюбивой политики, учитывающей ценности и интересы всех участников политического процесса;

2) понимание «мягкой силы» как средства дестабилизации государственного управления, как орудия смены власти неконституционным путем, как фактора максимального ослабления государства вплоть до его превращения в несостоятельное и последующего разрушения⁷.

В политике современной России «мягкая сила» используется как средство улучшения имиджа России

³ Директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор 280 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Массовая культура как феномен постиндустриального общества», «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе» (в соавт.), «Теоретические проблемы современного культурологического знания: методы, подходы, концепции, понятия», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: “баланс интересов” в современном обществе», «Теоретические проблемы современной культуры: идеи, концепции, методы исследования» и др. Главный редактор журнала «Ученый совет», член редакционных коллегий журналов «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке», «Politbook».

⁴ Путин В. В. Россия и меняющийся мир (см.: putin2012.ru).

⁵ Там же.

⁶ Наумов А. О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 73–86.

⁷ Понкин И. В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111.

за рубежом, на что, в частности, направлена деятельность Россотрудничества — Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. В Концепции внешней политики РФ отмечается, что применение «мягкой силы» связано прежде всего с использованием «возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий в дополнение к традиционным дипломатическим методам»¹.

Особое понимание «мягкой силы» демонстрируют практически все не англосаксонские страны, среди которых особое место занимает Китай, впервые озвучивший теорию «культурной мягкой силы» на XVII съезде Коммунистической партии Китая в октябре 2007 года и последовательно ее реализующий. Китай делает упор на культурную составляющую этой концепции. Одним из элементов этой политики стало открытие по всему миру Институтов Конфуция, продвигающих китайскую культуру и язык.

В Концепции внешней политики РФ, утвержденной в 2013 году, отмечается, что политика применения «мягкой силы» выступает зачастую как противоположная: «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы” и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»².

Именно такой подход к трактовке «мягкой силы» (как «жесткой силы») практически не отличается от вооруженного конфликта или экономической войны, направленной на разрушение государственного, экономического, военно-политического управления, на дестабилизацию духовной и социальной жизни государства³. В такой трактовке данная стратегия оказывается тесно связана со стратегией информационной войны, включающей технологии психологического воздействия на массовое сознание при помощи средств массовой коммуникации с целью навязывания сначала новых стереотипов, затем — целей и ценностей.

В трактовке С. Хелемендика, *Soft Power* — это не мягкая сила, и «тем более не мягкая власть», она «используется США для отъема собственности у страны, где применяется эта технология», это «американская технология взятия власти в чужой стране и ее передачи нужным в данный момент людям. Технология переворотов. Технология ненасильственная — и это главное, что отличает *Soft Power* от революции

со штурмом Зимнего дворца... *Soft Power* используется для того, чтобы, взяв власть ненадолго, забрать ответственность надолго, а еще лучше навсегда»⁴.

Именно в целях геополитических рокировок используют этот технологический ресурс США, выработавшие и апробировавшие стратегию ненасильственной смены политических режимов. Одним из авторов этой стратегии является профессор политологии Массачусетского университета Джин Шарп, фактически разработавший технологию «цветных революций». Важно, что Шарп обосновывает актуальность своего исследования вполне благими намерениями — стремлением сломить «диктаторские режимы», расширить демократизацию и свободу в мире» ненасильственными методами — такими, как вызов власти и отказ от повиновения.

Эта технология была апробирована в 2000–2014 годах в ходе «цветных революций», проведенных по данному сценарию на постсоциалистическом пространстве, — в «бульдозерной революции» в Сербии, «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» на Украине, «тюльпановой революции» в Кыргызстане, «жасминовой революции» в Тунисе и «революции 25 января» в Египте⁵. Политологи, анализируя структуру «цветных революций», выделяют один и тот же алгоритм действий, находя детальные совпадения в ходе их развития.

Эти технологии информационного воздействия чрезвычайно разрушительны, так как действуют прежде всего на культуру, изменяя ее код через трансформацию ценностей и целей граждан. Они действуют на сознание людей, определяя стратегию и тактику их действий. Именно на противодействие этим тенденциям направлено обеспечение государством суверенитета России посредством защиты российского общества «от внешней идейно-ценностной экспансии», от различных форм деструктивного информационного и психологического воздействия.

Можно вполне определенно выстроить те сферы, которые являются системообразующими в процессе противодействия любого государства стратегиям «ненасильственного» захвата власти. Это продуманная система образования, направленная на формирование целостной личности, способной к рациональному восприятию мира, к критическому отношению к внешнему целенаправленному воздействию, готовой к самостоятельному анализу глобальных и локальных общественных процессов. Это также обеспечение экономической, политической, финансовой, экологической безопасности, продуманная национально-этническая и миграционная политика, учитывающая законы развития культуры, определяющие факторы сохранения ее культурного ядра, политика, направленная на предупреждение распространения потребительских ценностей и формирование позитивных ценностей, связанных как с традицией и историей, так и с проективным развитием.

Но прежде всего это прочная гражданская и национально-культурная идентичность, основанная на гордости за свое историческое прошлое и настоящее,

⁴ Хелемендик С. *Soft Power* — мягкая сила “made in USA”. URL: http://expert.ru/2009/02/6/Soft_Power/

⁵ См. подробнее: Наумов А. О. Указ. соч.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. (см. официальный сайт Президента России www.kremlin.ru).

² Концепция внешней политики РФ : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 утратила силу) (см.: <http://www.mid.ru>).

³ Демидов А. В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 88.

на идентификации с теми целями и приоритетами развития, которые стоят перед страной, на готовности включаться в реализацию этих целей.

Все сказанное позволяет говорить о том, что диалог культур должен протекать только в рамках гуманитарных, дипломатических, информационных взаимодействий, связанных с принципами гражданского

общества. При этом важнейшей задачей государства становится, с одной стороны, защита своей культуры от внешней идейной и ценностной экспансии, пропаганды идеологии насилия, религиозной и международной розни, с другой — формирование такой формы взаимодействия и развития культур, как диалогическая коммуникация.